

ПОД МАСКОЙ ТРИЛОГИЯ

**АЛЕКСАНДР ЛЕСНИКОВ
МАКАР ШИКОВ**

18+

Александр Лесников

Под маской: Трилогия

«Автор»

2026

Лесников А. Ю.

Под маской: Трилогия / А. Ю. Лесников — «Автор», 2026

Он был учёным. Лучшим в своей области. Он изучал камни, которые вели себя как живые, и пытался разгадать их природу в секретной лаборатории посреди американской пустыни. Но когда каскадный резонанс превратил «Чёрную Мезу» в ад, его мир рухнул. Выжив в хаосе, он оказался в новом мире — мире, где Альянс правит железной рукой, а люди стали скотом в собственном доме. Чтобы выжить, ему приходится надеть маску солдата Гражданской Обороны и служить тем, кто уничтожил его прошлое. Но цена этой маски — его собственная личность. В поисках ответов он проходит через предательство, потерю памяти, охоту на легендарного беглеца и встречу с силами, которые управляют реальностью. Сможет ли он сохранить себя, когда система требует стереть его душу? И что останется от человека, который однажды сделал выбор, от которого нет пути назад? Это история о падении, искуплении и человеке, который потерял всё, включая самого себя, чтобы найти истину.

© Лесников А. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер	5
Вступление	6
Под маской: до того как...	7
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Шиков Макар, Александр Лесников

Под маской: Трилогия

Дисклеймер

Данное произведение является **некоммерческим фанфикшеном** (пользовательской художественной работой), созданным по мотивам вселенной видеоигры *Half-Life* и её расширений, разработанных компанией **Valve Corporation**.

Все права на интеллектуальную собственность, включая, но не ограничиваясь: персонажей, локации, события, названия организаций (Альянс, «Чёрная Меза», «Гражданская Оборона»), термины (Зен, вортигонты, хедкрабы), а также на оригинальный сюжет и атмосферу вселенной, принадлежат исключительно **Valve Corporation**.

Автор данной работы не претендует на авторские права в отношении вышеуказанной интеллектуальной собственности. Эта история является выражением личного творческого интереса и уважения к оригинальной вселенной, не преследует коммерческих целей и не связана с официальными лицами или продуктами Valve Corporation. Любое сходство с реальными людьми, событиями или организациями является случайным.

Вступление

Перед вами — **полная трилогия** этой истории. Она включает в себя все три основные части в хронологическом порядке:

1. «Под маской: до того, как...» — первая часть, в которой учёный Алексей Ларин возвращается в родной Кишинёв и сталкивается с таинственными событиями, связанными с его засекреченной работой. То, что начинается как обычный отпуск, оборачивается цепью открытий, меняющих его жизнь навсегда.

2. «Под маской» — вторая часть, продолжающая путь главного героя в новом для него мире, где ему предстоит сделать трудный выбор между службой и тем, что осталось от его человечности.

3. «Под маской 2» — заключительная часть, в которой герой сталкивается с последствиями своих решений и пытается найти ответы на вопросы, преследующие его с самого начала.

История начинается с первой книги, где Алексей Ларин, уставший после долгой командировки в засекреченную лабораторию, возвращается домой. Однако вместо отдыха его ждут странные сообщения о световых аномалиях в небе, необъяснимые совпадения и ощущение, что за ним следят. С этого момента его жизнь перестаёт быть прежней.

Под маской: до того как...

Жара ударила в лицо, едва я переступил через порог самолета. Не та, сухая, жареной солнцем глинобитной стены, а влажная, душная, густая, как кисель. Пахло раскаленным асфальтом, пылью и полынью – настоящий, до слез знакомый запах дома. Я зажмурился, делая глубокий вдох, отвыкая от стерильного, кондиционированного воздуха салона «Ту-154».

Через полчаса, отбарабанив все формальности, я уже стоял на обочине у аэропорта, подставив лицо солнцу и ловя такси. Ко мне подкатил рыжий, проржавевший «Москвич», скрипя тормозами. Дверь открылась с сухим, дребезжащим звуком.

– Улица Щусева, – бросил я, швырнув свой единственный, но до отказа набитый чемодан на заднее сиденье. Внутри – не вещи, а суть моей жизни последних месяцев: образцы пород, папки с отчетами, испещренные формулами блокноты.

Дорога в город всегда занимала около часа. Я откинулся на потрескавшемся виниле, глядя в открытое окно. Кишинев цвел. Будто все лето копил силы, чтобы взорваться буйством красок именно к моему приезду. Мы проезжали мимо серых коробок новостроек, с балконами, завешанными бельем, как флагами, и мимо старых, вросших в землю домиков. В палисадниках пылали оранжевые лилии и розовые кусты шиповника, а стены домов увивал густой, ароматный хмель. Город жил своей неторопливой, полуденной жизнью. После месяцев изоляции в глухом американском штате, где пейзаж состоял из скал и выжженной солнцем земли, эта зелень, эта жизнь были почти что галлюцинацией. Я был дома.

Моя работа в Лаборатории «Черная Меза» была делом всей жизни. И моей добровольной ссылкой. Длительные, по несколько месяцев, командировки в США. Местоположение объекта – строжайшая тайна. Даже я, старший научный сотрудник, до конца не понимал, в каком штате нахожусь. Где-то на пустынном, безлюдном плато, куда нас доставляли с завязанными глазами. Мы, интернациональная группа ученых, изучали аномальные образцы пород, не похожие ни на что из известного науке. Их кристаллическая решетка вела себя так, будто кто-то внутри нее постоянно переключал невидимые рубильники, порождая слабые, но фиксируемые импульсы энергии. Моя задача – найти ключ. Я днями и ночами корпел над микроскопами и приборами, пытаясь разгадать эту головоломку. Это была работа, выжимающая все соки. Дни сливались в недели в гулкой тишине подземных лабораторий, под ровный гул вентиляции. Там я был не человеком, а инструментом. Заточенным и одержимым. А потом – возвращение. Целый месяц отпуска в Союзе. Месяц, чтобы заново научиться дышать, а не только анализировать.

«Москвич» с грохотом, будто прощаясь с жизнью, остановился у моего пятиэтажного дома на улице Щусева. Я расплатился, взвалил чемодан на плечо и тяжело зашагал по лестнице. Квартира встретила меня запахом пыли и затхлости закрытого помещения. Я швырнул чемодан в прихожей, прошел в комнату и нараспашку распахнул окна. Сразу же ворвался шум города, крики детей, запах нагретого за день асфальта – жизнь.

Разбирать вещи не было ни сил, ни желания. Вместо этого я достал из кармана куртки смятую газету «Советская Молдавия», которую прихватил в аэропорту. Плюхнулся в старенькое кресло у окна и развернул ее. Сводки с полей, отчеты о партсобраниях... Мой взгляд скользнул по полосам и зацепился за маленькую заметку в углу, в разделе «Происшествия».

«ТАИНСТВЕННЫЕ ВСПЫШКИ НАД СТОЛИЦЕЙ»

«В ночь с пятницы на субботу несколько жителей Кишинева сообщили о наблюдении странных световых явлений в небе. По словам очевидцев, это были не похожие на молнии вспышки зеленоватого свечения, двигавшиеся с огромной скоростью и бесшумно. В компетентных органах комментарии избегают, склоняясь к версии о метеорологическом зонде или атмосферном явлении. Специалисты опровергают возможность падения метеорита...»

Я усмехнулся и отбросил газету на стол. Выдумки. «Желтая пресса» добралась и до наших широт. Световые явления... А я только что полгода провел, изучая камни, которые под микроскопом вели себя куда загадочнее любых летающих тарелок. Реальность, с которой я имел дело, была сложнее и прозаичнее любой фантастики.

Накатившая усталость от долгого перелета через океан навалилась свинцовой тяжестью. Я поднялся с кресла, скинул дорожную куртку и, не раздеваясь, повалился на прохладное, пахнущее нафталином постельное белье. Последней мыслью, пронесшейся в голове перед тем, как провалиться в сон, было то, что завтра надо будет разыскать Сергея Волкова, старого приятеля по институту, и хорошенько отметить возвращение. С ним всегда можно было поговорить не только о науке. Мир за окном погружался в теплые летние сумерки, а те самые зеленые вспышки из газеты уже не казались мне такими уж нелепыми. Где-то в глубине, на уровне инстинкта уставшего до предела ученого, щелкнул крошечный, но настойчивый сигнал тревоги. Но я его проигнорировал. Я уже спал.

Проснулся я от настойчивого стука в дверь. Солнце уже стояло высоко, пробиваясь сквозь пыльные занавески. Голова гудела от недосыпа и смены часовых поясов.

– Алексей! Открывай, я знаю, что ты вернулся!

Сергей. Узнал его голос сразу, хоть и не слышал несколько месяцев. Вчерашние планы найти его самому обернулись тем, что он нашёл меня первым. Как всегда.

Открыл. На пороге стоял он – невысокий, коренастый, с вечной ухмылкой на круглом лице. В руках держал сетку с тремя бутылками советского шампанского.

– С возвращением, заокеанский гений! – Сильнее обычного хлопнул меня по плечу. – Месяц отдыха от твоих кристаллов? Это мы устроим!

Мы сели на кухне. Я поставил на стол чайник, а Сергей уже распечатывал первую бутылку. Пока вода закипала, он успел расспросить про работу. Я, как обычно, отделивался общими фразами – «исследования», «аномальные образцы». Он кивал, но в его глазах читалось непонимание. Сергей после института пошёл в теоретическую физику, работал в кишинёвском политехе. Моя практика с засекреченными лабораториями была для него другой вселенной.

– Ладно, с работой понятно. А как там, в Штатах? – перебил он мои туманные объяснения. – Говорят, у них там в магазинах всё есть. Как в фильмах?

Рассказывал ему про американские супермаркеты, но мысли витали где-то далеко. Вспомнил, как две недели назад, в последнюю ночь перед отлётом, не мог уснуть. Вышел из общежития лаборатории и пошёл по пустынной дороге. Ни фонарей, ни машин – только звёзды и воющий в горах ветер. Шёл, наверное, час, пока не наткнулся на заброшенное ранчо. Дом с выбитыми окнами, во дворе – ржавый пикап. Что-то заставило меня зайти внутрь. На полу валялись пустые банки из-под консервов, окурки. И на самом видном месте – свежий номер местной газеты с заголовком о «странных огнях в небе». Таких же, как в кишинёвской газете. Тогда я не придал значения. Списал на усталость.

– Ты где вообще? – Сергей прервал мои мысли, разливая шампанское по стаканам. – Ты будто не здесь.

– Просто устал с дороги, – отмахнулся я.

Выпили. Он рассказывал про жизнь в городе, про общих знакомых, про новую директрису в его институте. Я кивал, подливал, но сам следил за временем. Нужно было зайти в центр – отнести в министерство отчёт о командировке. Казалось бы, мелочь, но с бюрократами лучше не затягивать.

– Ладно, мне пора, – встал я, когда часы показали первый час дня. – Дела.

– Уже? – Сергей выглядел разочарованным. – Только начали!

– Вечером продолжим. Обещаю.

На прощание он оставил две нераспечатанные бутылки. «На потом», – сказал. А я вышел на улицу, чувствуя лёгкое головокружение от шампанского на пустой желудок.

По дороге в центр зашёл в сберкасса – снять деньги. Очередь двигалась медленно. Впереди меня стоял пожилой мужчина, который не мог разобраться, как заполнить платёжку на квартиру. Кассирша объясняла ему что-то на повышенных тонах, тыча пальцем в бланк. Мужчина нервно ёрзал, потел. Я постоял минуту, наблюдая эту сцену, потом не выдержал.

– Давайте я помогу, – сказал я, беря у него из рук документы.

Быстро заполнил все поля, объяснил, куда что писать. Мужчина благодарил так, будто я спас ему жизнь. Кассирша недовольно хмыкнула, но пробила платёжку без дальнейших замечаний.

Выйдя из сберкассы, я поймал на себе чей-то взгляд. На противоположной стороне улицы стоял мужчина в тёмном плаще. Невысокий, худощавый. Он не сводил с меня глаз. Наши взгляды встретились на секунду, и он резко отвернулся, затерявшись в толпе. Странно. Показалось?

В министерстве всё прошло быстрее, чем я ожидал. Секретарша, немолодая женщина со строгим лицом, взяла мой отчёт, бегло просмотрела и кивнула:

– Всё в порядке, товарищ Ларин. Ожидайте дальнейших указаний.

Она произнесла эту фразу с какой-то странной интонацией. Будто «дальнейшие указания» – это не просто формальность, а нечто конкретное. Но я снова списал это на свою усталость и лёгкое похмелье.

Возвращался домой пешком. По дороге зашёл в гастроном купить продуктов. Полки полупустые, как всегда. Взял хлеб, колбасу, банку шпрот. У кассы стояла молодая женщина с ребёнком. Мальчик лет пяти капризничал, просил шоколадку, а у матери, судя по всему, не хватало денег. Она пыталась его уговорить, но безуспешно.

Я молча взял с полки плитку шоколада «Алёнка» и положил на ленту вместе со своими продуктами. Женщина удивлённо посмотрела на меня.

– Возьмите, – сказал я коротко. – У меня своих детей нет, пусть хоть ваш порадует.

Она попыталась отказаться, но я уже расплачивался. Вышел из магазина, оставив её с растерянным, но счастливым ребёнком.

Дома меня ждал беспорядок. Чемодан всё так же лежал посреди прихожей. Я налил себе стакан воды, глядя на эту грудку вещей. Пора наконец разобраться. Но сначала прилёг на диван на минутку, чтобы отдохнуть.

Проснулся затемно. За окном уже горели фонари. В квартире было тихо и пусто. Я лежал и смотрел в потолок, чувствуя, как странное беспокойство снова подкрадывается ко мне. Зелёные вспышки в газете. Заброшенное ранчо в Америке. Мужчина в плаще. Слова секретарши в министерстве. Отдельно – мелочи. Вместе – уже нет.

Встал, подошёл к окну. Напротив, в окне соседнего дома, горел свет. Там жила пожилая пара, я иногда видел их на балконе. Сейчас в окне никого не было. Только одинокий свет в ночи.

Завтра, решил я, нужно будет сходить в библиотеку. Посмотреть старые газеты. Может быть, эти «вспышки» – не такая уж новость. А пока – разобрать чемодан. Пора возвращаться к реальности.

Утро началось с противной, ноющей головной боли. Вчерашнее шампанское, выпитое на голодный желудок, давало о себе знать полной мерой. Я лежал с закрытыми глазами, пытаясь отогнать назойливый звон в ушах, но сквозь него пробивался шум города за окном – гудки машин, отдалённые крики, гул трамвая. Пора вставать.

Пока на кухне варился крепкий, почти чёрный кофе, я наконец-то занялся своим чемоданом. Расстегнул потрёпанные замки, и комната наполнилась знакомым запахом – лёгким ароматом старой кожи, смешанным с едва уловимым запахом пыли американской пустыни и чего-то ещё... металлического, может, озона. Я аккуратно, один за другим, вынул образцы пород и расставил их на широком письменном столе. Тёмные, почти чёрные, с вкраплениями стран-

ных кристаллов, которые на свету отливали неестественным фиолетовым оттенком. В местах свежих сколов, если приглядеться, можно было заметить тусклое, едва различимое свечение. Я провёл пальцем по шероховатой поверхности одного из камней, вспоминая долгие часы в лаборатории, безуспешные попытки понять их природу.

Папки с отчётами, испещрённые формулами и графиками, я сложил аккуратной стопкой в углу стола. В боковом кармане чемодана нащупал забытую, смятую американскую газету. Развернул её. Тот самый номер, с заметкой о «таинственных световых явлениях» над пустыней Нью-Мексико. Схожие описания, те же зелёные вспышки. Я скомкал газету с внезапным раздражением и отправил её в мусорное ведро. Хватит. Хватит накручивать себя. Совпадение, и всё. Надо возвращаться к нормальной жизни.

После завтрака, состоявшего из чёрного кофе и бутерброда с твёрдым сыром, я отправился в республиканскую библиотеку. Погода стояла ясная, солнце припекало уже с утра, но от вчерашнего зноя осталась лёгкая, удушающая духота, предвещающая грозу. По дороге зашёл в знакомый киоск «Союзпечати» за свежими газетами. Разменял у продавщицы, немолодой уже женщины с усталым лицом, трёшку на мелочь. Она, отсчитывая пятаки и копейки, вдруг пожаловалась, словно продолжая вслух свои мысли:

– Третьего дня, с утра, уж третий человек спрашивает газеты, где про эти ваши тарелки пишут. Что, правда, что ли, летает что-то?

Я только пожал плечами в ответ и, забрав свою «Советскую Молдавию», пошёл дальше.

В библиотеке, как всегда, пахло старыми книгами, пылью и казённым, неживым теплом. В просторном читальном зале с высокими потолками было прохладно и непривычно тихо после шумных улиц. Лишь изредка нарушал тишину шелест переворачиваемых страниц да сдержанный кашель. Я подошёл к стойке, где за своим постом сидела библиотекарьша – женщина лет пятидесяти, в строгих очках с золотой цепочкой.

– Подшивки «Советской Молдавии» за последний год, – попросил я, стараясь говорить тише обычного.

Она подняла на меня внимательный, изучающий взгляд, будто пытаясь определить, что мне на самом деле нужно.

– По какому вопросу интересуетесь? – спросила она, отчётливо выговаривая каждое слово.

– Научный интерес, – коротко ответил я, не вдаваясь в подробности.

Пока она неспешно удалилась в книгохранилище, я выбрал место у окна, выходящего в тихий, заросший сиренью дворик. За соседним столом корпел над конспектами студент, торопливо перелистывая страницы толстого учебника. В углу, в глубоком кресле, дремал пожилой мужчина в потрёпанном, но чистом пиджаке, его дыхание было ровным и спокойным.

Вернувшись, библиотекарьша принесла несколько толстых папок, перетянутых тесьмой. Я начал с самых последних номеров, двигаясь вглубь, к более ранним датам. Сначала просматривал бегло, пробегая глазами по заголовкам, потом, найдя первые упоминания, стал читать внимательнее, вчитываясь в каждое слово. И довольно скоро я нашёл то, что искал, и это «то» оказалось куда более обширным, чем я предполагал.

Первая заметка, скромная и неприметная, была опубликована три месяца назад. Короткое сообщение в рубрике «Происшествия»: «Жители села Копанка сообщают о наблюдении неопознанных огней в ночном небе». Ещё через месяц – аналогичное сообщение, на этот раз из Каушан. Потом из Бельц. Описания везде были схожими: зелёные вспышки, бесшумное движение с огромной скоростью, отсутствие каких-либо объяснений. В последних номерах, ближе к моему возвращению, сообщения участились и, что самое тревожное, перекинулись уже на сам Кишинёв.

Я достал свой блокнот и начал делать выписки, стараясь быть максимально точным: даты, точные места, детали описаний от очевидцев. Моя рука сама, по привычке, выводила на бумаге

знакомые, успокаивающие своей научной бессмысленностью термины – «атмосферное явление», «метеорологический зонд», «оптический эффект». Те же самые, дословно, формулировки, что я видел и в той американской газете. Совпадение? Здравый смысл упрямо твердил – да. Но какая-то часть меня, та самая, что годами училась видеть закономерности в хаосе данных, начинала тихо, но настойчиво бить тревогу.

Когда я, закончив работу, собрался уходить, библиотечарша неожиданно окликнула меня:

– Товарищ, минуточку.

Я остановился, повернувшись к ней.

– Вы не первый, кто интересуется этими... заметками, – сказала она, поправляя очки.

– Кто ещё спрашивал? – спросил я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

– Мужчина. Вчера, ближе к вечеру. Тоже просил подшивки именно за этот год.

– Как он выглядел? – у меня в груди что-то неприятно сжалось.

– Невысокий. Худощавый. В тёмном плаще, хотя на улице жарко. Спросил, полистал полчаса и ушёл. Даже не поблагодарил, – в её голосе послышалось лёгкое осуждение.

Я поблагодарил её намеренно громко и вежливо, стараясь загладить впечатление от неучтивого предшественника, и вышел на улицу. После прохлады читального зала солнечный свет показался ослепительно ярким, а уличный шум – оглушительным. Тот самый мужчина из вчерашнего дня? У библиотеки? Случайность? В это верилось с огромным трудом.

По пути домой я зашёл в гастроном. Купил хлеба, молока, десяток яиц. У кассы, как и вчера, стояла та же молодая женщина с ребёнком. Мальчик на этот раз мирно жевал городскую булку и болтал ногами. Увидев меня, он широко улыбнулся и помахал рукой. Его мать, заметив это, смущённо кивнула мне, в её глазах читалась благодарность.

Дома я разложил свои записи из библиотеки на столе, рядом с блокнотом с рабочими заметками из «Чёрной Мезы». Я сравнивал термины, описания, хронологию. Слишком много совпадений. Слишком много для здоровой научной паранойи, которая всегда была моим верным спутником. Здесь же пахло чем-то иным.

Вечером, как и ожидалось, раздался звонок. Сергей.

– Ну что, учёный, продолжаем вчерашнее? Я как раз свободен, две бутылки ещё ждут своего часа.

– Не сегодня, Серёг, – ответил я, глядя на разложенные на столе бумаги. – Голова раскалывается.

– Похмелье? – засмеялся он в трубку. – Не ожидал от тебя такой слабости.

– Да нет, работа, – соврал я, и укол совести тут же кольнул меня. – Надо кое-что доделать.

Я солгал ему. Впервые за много лет нашей дружбы я солгал ему в лицо. Но я не мог рассказать ему про библиотеку, про эти дурацкие заметки, про мужчину в плаще. Он бы откровенно рассмеялся, потрепал по плечу и сказал что-нибудь вроде «брось, Лёш, тебя крыша поехала от твоих камней». А я, к своему ужасу, начинал бояться, что он окажется прав. И одновременно всё сильнее боялся, что он окажется неправ.

Лёг спать рано, но сон не шёл. Я ворочался с боку на бок, в голове прокручивая обрывки воспоминаний. Тот вечер в Америке, когда я вышел на пустынную дорогу. Тишина, нарушаемая только скрипом моих ботинок по гравию. И то самое, чёткое, необъяснимое ощущение, что за мной следят. Я тогда списал его на усталость, на переутомление после месяцев напряжённой работы. Теперь же, глядя в потолок своей кишинёвской квартиры, я был не так уверен.

Перед тем как окончательно потушить свет, я подошёл к окну и раздвинул занавеску. В соседнем доме, напротив, в окне на том же этаже, горел свет. На этот раз в окне стояла пожилая женщина, моя соседка. Она смотрела в мою сторону, но, заметив моё движение, резко, почти испуганно, отошла вглубь комнаты, и свет через мгновение погас.

Я медленно закрыл шторы, отсекая себя от ночного города. План на завтра сформировался сам собой, чёткий и неумолимый. Во-первых, нужно сходить в архив, посмотреть более старые газеты, лет на пять, а то и десять назад. Может быть, эти явления начались гораздо раньше, и я просто не обращал внимания. А во-вторых... во-вторых, нужно найти того мужчину. Того, в тёмном плаще. Прежде чем он найдёт меня.

На следующее утро я проснулся с чётким планом действий. Головная боль отступила, сменившись холодной решимостью. Сегодня мне предстояло посетить городской архив, и на этот раз я знал, что ищу.

По дороге зашёл в столовую возле железнодорожного вокзала. Пахло дешёвым борщом и жареным луком. Заказав кофе и булочку, я сел за столик у окна. В кармане лежали выписки из вчерашних газет – аккуратно сложенный листок, который я теперь перечитывал снова и снова. Зелёные вспышки. Бесшумное движение. Описания, совпадающие до мелочей в сообщениях из разных концов света.

Мой взгляд случайно упал на мужчину, сидевшего в углу зала. Невысокий, в тёмном плаще, несмотря на летнюю жару. Он не смотрел в мою сторону, сосредоточенно помешивая ложкой в стакане с чаем. Но что-то в его позе, в том, как он держал голову, показалось мне знакомым. Я отвёл глаза, сделал глоток кофе и, расплатившись, вышел на улицу. Обернувшись у выхода, я увидел, что мужчина тоже встаёт и направляется к двери. Слишком много совпадений.

Городской архив располагался в старом здании дореволюционной постройки на тихой улице в центре. Высокие потолки, скрипучие половицы и запах старой бумаги – здесь время будто застыло. Пожилой архивариус с седыми бакенбардами, узнав о моём научном интересе, проводил меня в читальный зал.

– Какие годы интересуют? – спросил он, поправляя пенсне.

– Последние десять лет, – ответил я. – Особенно материалы, связанные с необычными природными явлениями.

Пока архивариус подбирал подшивки, я устроился за массивным деревянным столом. Солнечные лучи, проникая сквозь пыльные окна, освещали танцующие в воздухе пылинки. Тишина стояла такая, что был слышен скрип моего стула.

Первые два часа не принесли результатов. Я просматривал подшивки местных газет, но ничего похожего на сообщения о странных вспышках не находил. Усталость начала брать своё, и я уже готов был сделать перерыв, как вдруг моё внимание привлекла небольшая заметка в «Молодёжь Молдавии» за 1978 год.

«Загадочное свечение в небе над Оргеевом»

«Несколько дней назад жители райцентра Оргеев наблюдали необычное атмосферное явление. По словам очевидцев, в ночном небе появились зелёные огни, двигавшиеся по странной траектории. Специалисты местной метеостанции не смогли дать объяснение этому феномену».

Я вытащил свой блокнот и начал делать заметки. 1978 год. За семь лет до сегодняшних событий. Те же зелёные огни. Та же невозможность объяснения.

Продолжив поиски, я обнаружил ещё несколько подобных сообщений – за 1980 год в Бендерах, за 1982-й в Комрате. Все они были краткими, помещёнными на задних страницах, и формулировки везде были удивительно похожими. Кто-то явно старался придать этим сообщениям вид рядовых происшествий, но закономерность прослеживалась чётко.

Когда я собрался уходить, архивариус остановил меня у выхода:

– Молодой человек, вы не первый, кто интересуется этими материалами.

Моё сердце ёкнуло:

– Кто ещё?

– Вчера был мужчина. Тоже спрашивал про старые газеты, про необычные явления. Очень спешил, даже не стал заполнять карточку читателя.

Я поблагодарил архивариуса и вышел на улицу. Солнце уже клонилось к закату, но жара не спадала. По дороге домой я зашёл в магазин за продуктами. Пока стоял в очереди, мне показалось, что я снова вижу того самого мужчину в плаще – он стоял через улицу, прислонившись к стене дома. Но когда я пригляделся, там никого не было.

Дома я разложил на столе все свои находки. Выписки из библиотеки, заметки из архива, собственные рабочие записи. Картина вырисовывалась тревожная. Эти явления продолжались годами, возможно, десятилетиями. И кто-то ещё интересовался ими так же активно, как и я.

Вечером я решил прогуляться, чтобы очистить голову от тяжёлых мыслей. Шёл по тёмным улицам старого города, вдыхая запах цветущих лип. В парке, на скамейке, сидел тот самый пожилой мужчина, которого я видел в библиотеке. Он что-то неспешно жевал, кормя голубей.

Я присел рядом, решив завести разговор:

– Прекрасный вечер.

Старик кивнул, не глядя на меня:

– Да, пока тихий. Пока...

– А бывает не тихо? – спросил я.

Он повернулся ко мне, и его глаза были удивительно ясными и внимательными:

– Молодой человек, вы ведь не первый, кто задаёт такие вопросы. Вчера тут один мужчина сидел, всё про огни в небе спрашивал. В плаще, хотя жара...

Я замер, чувствуя, как по спине пробегают мурашки. Это уже не могло быть случайностью.

Вернувшись домой, я ещё долго сидел у окна, глядя на тёмные очертания спящего города. Кто этот мужчина? Почему он преследует именно меня? И какая связь между зелёными вспышками в небе и моей работой в «Чёрной Мезе»?

Перед сном я проверил, закрыта ли дверь на все замки. Впервые за много лет я почувствовал себя не в безопасности в собственном доме. Завтра нужно будет предпринять более активные действия. Возможно, стоит обратиться в милицию. Или... или самому найти ответы на все эти вопросы.

Следующие несколько дней прошли в странном, выматывающем ритме. Я продолжал свои исследования, но теперь делал это с постоянной оглядкой. Каждое утро начиналось с одного и того же ритуала: я подходил к окну и внимательно изучал улицу, ища знакомую фигуру в тёмном плаще. Потом выходил из дома, делая длинные, бесцельные круги по городу, прежде чем отправиться по своим делам. Паранойя? Возможно. Но лучше паранойя, чем неожиданная встреча в тёмном переулке.

В среду я решился на то, что изначально казалось плохой идеей – посещение городского отделения милиции. Небольшое кирпичное здание на окраине города встретило меня запахом дезинфекции и старой мебели. Дежурный лейтенант, молодой парень с уставшим лицом, выслушал мой сбивчивый рассказ о преследовании с вежливым безразличием.

– Вы можете описать этого человека? – спросил он, достав бланк заявления.

– Невысокий, худощавый, тёмное пальто, – повторил я в который раз. – Кажется, он следит за мной уже несколько дней.

– А мотивы? Угрозы были? Конфликты?

– Нет, но...

– Понимаете, товарищ, – лейтенант отложил ручку, – без конкретных угроз или действий мы мало что можем сделать. Рекомендую быть внимательнее. Если ситуация повторится – приходите снова.

Я вышел из отделения с тяжёлым чувством. Система не собиралась меня защищать. Что ж, значит, придётся разбираться самому.

В четверг я предпринял более систематический подход к расследованию. С утра отправился в редакцию «Советской Молдавии». Старое здание с облупившейся штукатуркой встретило меня грохотом типографских машин и запахом свежей краски. Мне удалось поговорить с пожилым журналистом, который вёл рубрику «Происшествия».

– А, эти истории с огнями, – он снял очки и протёр их платком. – Пишем о них лет десять, наверное. Всегда одно и то же – зелёные вспышки, нет объяснения. Раньше реже были, сейчас всё чаще.

– А кто ещё интересовался этими материалами? – спросил я.

– Да разные люди. Учёные, уфологи... А на прошлой неделе мужчина один приходил, всё про старые заметки спрашивал. Станный какой-то, в плаще, молчаливый.

Меня будто током ударило. Он был и здесь.

Вечером того же дня я наконец решился на отчаянный шаг. Взяв с собой старый фотоаппарат «Зенит», я отправился в район, где по сообщениям газет чаще всего наблюдали аномалии – на пустырь за старым кладбищем. Место было безлюдным, лишь вдалеке виднелись огни новостроек.

Я устроился в зарослях бурьяна и начал ждать. Часы тянулись мучительно медленно. Комары звенели в ушах, в ногах затекали мышцы. Я уже начал подумывать о возвращении домой, когда вдруг увидел его.

Сначала это была лишь слабая точка в небе, но она быстро приближалась. Зелёный свет, пульсирующий со странной ритмичностью. Объект двигался совершенно бесшумно, описывая сложные траектории. Я с трудом удерживал дрожащие руки, пытаюсь сфотографировать явление. Внезапно свет усилился, ослепив меня, а когда зрение восстановилось, в небе уже никого не было.

Добравшись домой за полночь, я немедленно занялся проявкой плёнки. Руки дрожали от волнения, когда я погружал её в проявитель. Но результат оказался обескураживающим – на всех снимках было лишь тёмное небо с размытыми пятнами. Никаких следов зелёного свечения.

В пятницу утром я проснулся с новым решением. Если этот мужчина так интересуется моими исследованиями, возможно, стоит изучить его самого. Я составил план: провести весь день в публичных местах, где мы пересекались раньше, надеясь встретить его снова.

Сначала – библиотека. Я устроился на своём обычном месте и сделал вид, что погружён в чтение. Через час знакомый библиотекарь тихо сообщила:

– Он здесь. В углу, у картотеки.

Я украдкой взглянул в указанном направлении. Да, это был он. Тот самый мужчина в плаще, листавший старые газеты. Впервые я видел его так близко. Худое лицо, тёмные глаза, сосредоточенный взгляд. Казалось, он полностью поглощён своей работой.

Я решился на отчаянный шаг – подошёл к нему.

– Извините, я заметил, вы тоже интересуетесь атмосферными аномалиями? – начал я, стараясь говорить спокойно.

Мужчина медленно поднял на меня глаза. Его взгляд был пронзительным, изучающим.

– Вы ошибаетесь, – тихо ответил он и быстро удалился.

Вечером, возвращаясь домой, я почувствовал необъяснимую тревогу. Возле своего подъезда я заметил свежие царапины на замке. Кто-то пытался вскрыть дверь. Сердце забило чаще – это уже было прямым вторжением.

Войдя в квартиру, я тщательно осмотрел всё. Ничего не пропало, но несколько вещей лежали не на своих местах. Кто-то побывал здесь в моё отсутствие. Я подошёл к столу, где лежали мои исследования, и похолодел – все бумаги были аккуратно разложены, будто их внимательно изучали.

Той ночью я не сомкнул глаз. Сидя у окна с затемнёнными стёклами, я размышлял над происходящим. Этот мужчина явно знал о моих исследованиях больше, чем я сам. Но что ему нужно? И почему он сначала следил за мной, а теперь врывается в мой дом?

На рассвете я принял решение. Обычные методы не работали. Пришло время действовать более решительно. Если система не может защитить, если тайна становится опасной – значит, нужно идти до конца.

Утром я отправился на старую квартиру Сергея. Мне нужен был свидетель, сообщник, а главное – человек, которому я мог доверять. Когда я рассказал ему всё, от зелёных вспышек до ночного визита, он сначала рассмеялся, но, увидев моё лицо, стал серьёзен.

– Ты правда веришь в эту чушь? – спросил он.

– Я видел это своими глазами, – ответил я. – И теперь кто-то ещё об этом знает.

Сергей долго молчал, глядя в окно.

– Ладно, – наконец сказал он. – Если ты вляпался в какую-то историю, я помогу. Но если это окажется розыгрышем...

– Это не розыгрыш, – уверенно заявил я. – И я докажу это.

Мы разработали простой план: Сергей будет следить за слежкой, пока я продолжаю исследования. Два набора глаз лучше, чем один. А ещё он принёс старенький «Зоркий» – фотоаппарат своего отца, на случай если мой снова подведёт.

Возвращаясь домой, я чувствовал странное смешение страха и решимости. Пусть этот тип в плаще знает о моих исследованиях. Теперь и я кое-что знаю о нём. Игра только началась, и я не собираюсь проигрывать.

Той ночью, разбирая свои записи, я нашёл то, что упустил раньше. В старых газетных вырезках мелькало название – «Проект «Луч». Упоминание было скудным, в контексте научных достижений, но даты совпадали с первыми сообщениями о зелёных вспышках. Возможно, это и была та самая нить Ариадны, что выведет меня из лабиринта тайн.

Перед сном я положил под подушку тяжёлый гаечный ключ – примитивное, но надёжное оружие. Завтра предстоял новый день, а с ним – новые открытия и новые опасности. Но теперь я был готов к ним.

Следующие два дня прошли в напряжённом ожидании. Я продолжал свои исследования, но теперь с удвоенной осторожностью. Сергей, как и обещал, дежурил неподалёку, внимательно наблюдая за окружающей обстановкой. Мы разработали простую систему сигналов: если он заметит что-то подозрительное, то снимет кепку и протрёт лоб – знак немедленно прерывать контакт.

В понедельник утром я снова отправился в архив. На этот раз я искал любые упоминания о «Проекте «Луч». Пожилой архивариус, узнав о новой теме моего исследования, нахмурился, но всё же выдал несколько папок с грифом «Для служебного пользования».

Я погрузился в изучение документов. Большая часть информации была сильно отредактирована, но кое-что просачивалось сквозь цензурные правки. «Проект „Луч“ – совместная советско-американская исследовательская программа по изучению аномальных атмосферных явлений. Даты первых экспериментов – 1975 год. Руководитель с советской стороны – профессор Дмитрий Волхов».

Волхов... Эта фамилия казалась мне знакомой. Покопавшись в памяти, я вспомнил – именно Волхов читал у нас в институте курс теоретической физики. Пожилой, но невероятно энергичный учёный с пронзительным взглядом. Тогда, в семидесятых, его лекции казались нам оторванными от реальности фантазиями. Теперь же...

Внезапно я почувствовал чьё-то присутствие. Подняв голову, я увидел его – человека в плаще. Он стоял в нескольких метрах от меня, внимательно изучая мои записи. Сергей, сидевший у выхода, уже снял кепку, но я едва заметным жестом дал понять – пока жди.

– Вы продолжаете свои исследования, – тихо сказал незнакомец. Его голос был спокойным, без намёка на угрозу.

– А вы продолжаете следить за мной, – парировал я.

– Это не слежка. Это... наблюдение.

Он сделал шаг вперёд и протянул мне удостоверение. «Александр Петров, научный сотрудник Института физики атмосферы АН СССР». Ниже – печать и подпись.

– Вы... учёный? – не поверил я.

– Как и вы, Алексей. Только моя работа заключается в изучении тех самых явлений, которые вас так заинтересовали.

Он присел за стол напротив и начал свой рассказ. История, которую я услышал, превзошла все мои ожидания.

«Проект „Луч“ действительно существовал. В семидесятых годах советские и американские учёные совместно изучали странные атмосферные аномалии. Мы добились значительных успехов, но в 1979 году проект был свёрнут по политическим причинам. Однако исследования продолжались – теперь уже неофициально, силами небольшой группы энтузиастов.»

– Но почему вы следили за мной? – не унимался я.

– Потому что ваша работа в «Чёрной Мезе» напрямую связана с нашими исследованиями. Те образцы пород, которые вы изучали... Они неземного происхождения.

От его слов у меня перехватило дыхание. Всё, над чем я бился все эти месяцы, все странные свойства образцов – всё suddenly обрело смысл.

– Эти породы – катализаторы, – продолжал Петров. – Они усиливают и делают видимыми те самые энергетические процессы, которые мы изучаем. Зелёные вспышки – это побочный эффект. Что-то вроде... короткого замыкания в пространстве-времени.

Сергей, не выдержав, подошёл к нашему столу.

– Вы хотите сказать, что все эти огни в небе...

– ...следы экспериментов, которые проводились десятилетиями, – закончил за него Петров. – И сейчас что-то пошло не так. Частота аномалий растёт в геометрической прогрессии. Если это продолжится...

Он не договорил, но по его лицу я всё понял. Последствия могли быть катастрофическими.

– Почему вы не обратитесь официально? – спросил Сергей.

– Потому что те, кто когда-то курировал проект, теперь делают всё, чтобы скрыть правду. Нас уже трое погибло за последний год. «Несчастные случаи» – усмехнулся Петров.

Мы договорились о встрече на следующий день. Петров обещал показать нам лабораторию и все расчёты. Когда он ушёл, Сергей долго молчал, переваривая услышанное.

– Ты веришь ему? – наконец спросил он.

– Не знаю, – честно ответил я. – Но его знания подлинные. То, что он сказал об образцах... Этого не могло быть в открытых источниках.

Вечером мы сидели у меня дома, обсуждая услышанное. Сомнения оставались, но одно было ясно – мы стояли на пороге открытия, которое могло перевернуть все представления о мире.

На следующее утро мы встретились с Петровым в условленном месте – у старого заброшенного завода на окраине города. Он провёл нас через лабиринт полуразрушенных цехов к неприметной двери. За ней оказалась современная лаборатория, оснащённая по последнему слову техники.

– Это наша скромная исследовательская база, – сказал Петров, включая компьютеры.

– И как долго вы здесь работаете? – поинтересовался Сергей.

– Около пяти лет. После того как официальное финансирование прекратилось, пришлось импровизировать.

Петров показал нам свои расчёты. Графики, схемы, формулы – всё указывало на то, что ситуация выходит из-под контроля. Частота аномалий действительно росла, и по всем прогнозам, в ближайшие месяцы должен был произойти катаклизм планетарного масштаба.

– Есть только один способ это остановить, – сказал Петров, глядя на меня. – Нужно создать контр-резонанс. И для этого нужны ваши образцы, Алексей.

Я замер. Образцы были в сейфе в моей квартире – единственное материальное доказательство всей этой истории.

– Вы хотите сказать...

– Да. Только сочетание наших знаний и свойств этих пород может спасти ситуацию.

В тот вечер мы договорились о совместной работе. Петров предоставлял оборудование и расчёты, я – образцы и свои исследования, Сергей – организационную помощь и, как он сам выразился, «здравый смысл».

Возвращаясь домой, я думал о странной иронии судьбы. Человек, которого я считал угрозой, оказался союзником. Тайна, которая пугала, стала смыслом. И теперь от нас троих зависело нечто большее, чем наша собственная безопасность.

Перед сном я достал образцы из сейфа. Тёмные камни с фиолетовыми прожилками казались безобидными, но теперь я знал – в них заключена сила, способная либо погубить, либо спасти. Завтра начиналась новая глава нашей истории – глава, в которой учёные становятся спасителями, а враги – соратниками.

Я посмотрел в ночное небо. Где-то там, в вышине, уже зарождалась новая зелёная вспышка – предвестница грядущих перемен. Но на этот раз я смотрел на неё без страха, с твёрдой решимостью изменить то, что, казалось, изменить невозможно.

Три дня мы готовились к эксперименту. Лаборатория Петрова оказалась куда более впечатляющей, чем я мог предположить. За скромным фасадом заброшенного завода скрывался настоящий научный комплекс, уходящий глубоко под землю. Лифт, замаскированный под старую грузовую платформу, опускался на целых четыре этажа вниз, где располагались современные лаборатории, жилые помещения и даже собственный генератор.

– Как вам удалось всё это построить? – не удержался я от вопроса, когда мы в очередной раз спускались вниз.

– Остатки от «Проекта «Луч», – коротко ответил Петров. – И помощь... определённых людей, которые понимают важность нашей работы.

Мои образцы – желто-оранжевые полупрозрачные кристаллы – теперь лежали в специальном защитном контейнере в главной лаборатории. Под ярким светом они словно светились изнутри, переливаясь тёплыми медовыми оттенками. Петров изучал их с благоговейным трепетом.

– Уникальная кристаллическая структура, – он показывал на экран электронного микроскопа. – Они не просто проводят энергию, они её трансформируют. Как призма, только для фундаментальных полей.

Сергей, тем временем, освоился с ролью организатора. Он наладил питание, проверил системы вентиляции и даже организовал поставку продуктов – всё с присущей ему практичностью.

– Кто бы мог подумать, что мои таланты пригодятся для спасения мира, – шутил он, наливая нам кофе из старого советского термоса.

На третий день подготовки начались первые проблемы. Датчики, расставленные Петровым по всему городу, зафиксировали резкий скачок энергетической активности. Зелёные вспышки участились, теперь они появлялись не только ночью, но и днём, правда, были менее заметны на фоне солнечного света.

– Ситуация ухудшается быстрее, чем я предполагал, – мрачно констатировал Петров, изучая свежие графики. – У нас есть максимум неделя до точки невозврата.

Мы удвоили усилия. Я работал с образцами, пытаюсь понять механизм их взаимодействия с полями. Петров настраивал сложное оборудование – резонансные генераторы и поляризационные матрицы. Сергей обеспечивал бесперебойную работу всего комплекса.

В ночь перед экспериментом я не мог уснуть. Поднявшись в наземную часть комплекса, я устроился у единственного окна, выходящего на пустырь. В небе снова вспыхнуло зелёное зарево – уже третье за час.

Рядом послышались шаги. Это был Петров.

– Не спится? – спросил он, присаживаясь на соседний ящик.

– Волнуюсь, – признался я. – А вы?

– Всегда волнуюсь перед важными экспериментами. Это значит, что ты понимаешь ответственность.

Мы молча смотрели на ночное небо. Потом Петров негромко сказал:

– Знаете, когда я начинал работать над «Проектом «Луч», мы мечтали изменить мир. Открыть новые источники энергии, понять природу пространства-времени... А теперь просто пытаемся предотвратить катастрофу.

– Иногда это и есть самое важное изменение, – заметил я.

Утром началась финальная подготовка. Мы спустились в главную лабораторию – просторное помещение с матовыми стенами, в центре которого стояла сложная установка. Мои образцы были помещены в специальную камеру в её сердцевине.

– Принцип прост, – объяснял Петров, проверяя соединения. – Мы создаём контр-резонанс, который погасит нарастающие колебания. Ваши кристаллы – ключевой элемент. Они станут стабилизатором.

Сергей занял место за пультом аварийного отключения.

– На всякий случай, – сказал он, и в его голосе впервые прозвучала тревога.

В 14:30 мы начали. Петров плавно повышал мощность, я следил за показаниями датчиков. Кристаллы в камере начали светиться ярче, их желто-оранжевое свечение стало почти ослепительным. По стенам поползли причудливые тени.

– Энергетический уровень достигает критической отметки, – предупредил я.

– Вижу, – спокойно ответил Петров. – Стабилизируем...

Внезапно раздался оглушительный треск. Один из генераторов начал дымиться.

– Перегрев! – крикнул Сергей. – Снижай мощность!

Но Петров, не отрываясь от мониторов, покачал головой:

– Нельзя. Если сейчас остановиться, резонанс усилится многократно.

Он быстро перебросил несколько соединений, и дым прекратился, но напряжение в лаборатории продолжало расти. Воздух зарядился статическим электричеством, волосы на руках встали дыбом.

– Лёша, смотри! – Сергей указал на кристаллы.

Желто-оранжевые образцы начали менять цвет. Сквозь их привычное свечение проступали зелёные блики – точь-в-точь как в тех вспышках, что мы видели в небе.

– Они взаимодействуют с аномалией! – осознал я. – Не гасят её, а... соединяются с ней!

Петров замер, глядя на показания. Потом медленно улыбнулся:

– Вы правы... Мы думали, что боремся с болезнью, а на самом деле пытались прервать процесс выздоровления.

Он плавно повернул ручку управления, и мощность установки снова пошла вверх. Теперь уже зелёные и желто-оранжевые света танцевали вместе, сливаясь в причудливом симбиозе.

– Что происходит? – крикнул Сергей над нарастающим гулом.

– Мы не останавливаем процесс, – ответил Петров, и в его голосе звучало торжество. – Мы помогаем ему завершиться!

Внезапно весь комплекс погрузился в тишину. Гул прекратился, света погасли, осталось только мягкое свечение кристаллов, которое медленно возвращалось к своему обычному желто-оранжевому оттенку.

Через несколько секунд зажёгся аварийный свет. Мы молча смотрели друг на друга, не веря произошедшему.

– Это... успех? – осторожно спросил Сергей.

Петров подошёл к монитору и вывел на экран данные с внешних датчиков. Графики показывали резкое падение энергетической активности до почти нулевых значений.

– Больше чем успех, – тихо сказал он. – Мы не просто предотвратили катастрофу. Мы помогли завершиться естественному процессу, который, похоже, был нужен планете.

Позже, когда мы поднялись на поверхность, небо было чистым – ни единой зелёной вспышки. Только обычные звёзды и привычный ночной мрак.

– Что это был за процесс? – спросил я Петрова.

– Думаю, перезагрузка, – задумчиво ответил он. – Что-то вроде обновления системы. А наши кристаллы... они были нужны как ключ. Без них процесс пошёл бы неправильно.

Мы стояли у входа в подземный комплекс, глядя на восходящую луну. Пустырь вокруг казался обычным и ничем не примечательным. Никто бы не подумал, что несколько часов назад здесь решалась судьба мира.

– И что теперь? – спросил Сергей.

– Теперь, – Петров потянулся, – я думаю, мы заслужили хороший ужин. А завтра... завтра начнётся новая работа. Теперь мы знаем, что мир устроен сложнее, чем думали. И у нас есть ключ к его пониманию.

Он посмотрел на меня, и в его глазах читалась та же решимость, что и в моих. Приключение только начиналось.

Три дня спустя после эксперимента мы с Сергеем наконец-то позволили себе расслабиться. Сидели на его кухне, пили чай с яблочным вареньем и строили планы на будущее. Петров остался в лаборатории – изучал данные, полученные во время контр-резонанса. Казалось, жизнь возвращается в нормальную колею.

– Знаешь, – говорил Сергей, задумчиво помешивая ложкой в стакане, – а ведь мы могли бы открыть собственный исследовательский центр. С такими знаниями...

Внезапный резкий звонок прервал его. Я вздрогнул – на пороге стоял почтальон с телеграммой. Холодок пробежал по спине, когда я развернул листок.

«URGENT RECALL. BLACK MESA LABORATORY. IMMEDIATE ARRIVAL WITH SAMPLES. FLIGHT 346. REASON UNDISCLOSED. VAN HORN¹»

– Что такое? – насторожился Сергей, видя моё лицо.

Я молча протянул ему телеграмму.

– «Причина не разглашается»? – он поднял на меня встревоженный взгляд. – Это как вообще? Ты же не солдат, чтобы тебе приказывать.

– По контракту они имеют право на срочный отзыв, – мрачно пояснил я. – Но обычно предупреждают заранее... И причина всегда указывается.

Мы сразу же поехали к Петрову. Он изучал телеграмму с тем же непроницаемым выражением лица, что и при нашей первой встрече.

– Подозрительно, – наконец произнёс он. – Слишком скоро после нашего эксперимента. Слишком... бесцеремонно.

– Может, они узнали про наши исследования? – предположил Сергей.

¹ СРОЧНЫЙ ВЫЗОВ. ЛАБОРАТОРИЯ "ЧЕРНАЯ МЕЗА". НЕМЕДЛЕННОЕ ПРИБЫТИЕ С ОБРАЗЦАМИ. РЕЙС 346. ПРИЧИНА НЕ РАЗГЛАШАЕТСЯ. ВАН ХОРН

– Маловероятно, – покачал головой Петров. – Но что-то определённо случилось. Ван Хорн – не из тех, кто бросается словами на ветер.

Доктор Ван Хорн был научным руководителем «Чёрной Мезы» – человек-легенда, гений и затворник. За все месяцы моей работы там я видел его всего дважды.

Мы провели остаток дня в тягостных раздумьях. Петров проверял свои каналы связи, пытаясь выяснить, что происходит в «Чёрной Мезе». Я собирал вещи – на этот раз командировка могла затянуться. Сергей ходил по комнате, предлагая то один, то другой план действий.

– А если просто не поехать? – наконец выпалил он.

– Контракт, – коротко ответил я. – Плюс... мне самому интересно, что там происходит.

Вечером Петров сообщил неутешительные новости:

– Мои источники молчат. Это плохой знак. Обычно хоть какой-то шум просачивается.

Перед отлётом я зашёл в лабораторию попрощаться. Желто-оранжевые кристаллы лежали в своём контейнере, безмятежно переливаясь в свете ламп.

– Береги их, – сказал Петров, провожая меня к выходу. – И себя береги. Если что-то пойдёт не так...

– Я знаю, – кивнул я. – Условный сигнал.

Сергей довёз меня до аэропорта. Всю дорогу мы молчали. На прощание он крепко обнял меня:

– Возвращайся, герой. И помни – здесь у тебя есть друзья.

Рейс 346 оказался полупустым. Всего десяток пассажиров, в основном такие же учёные, судя по внешнему виду. Мы избегали смотреть друг на друга, каждый погружённый в свои мысли.

Приземлились мы на той же самой заброшенной взлётной полосе в пустыне, что и раньше. Только на этот раз вместо обычного транспорта нас ждал бронированный автобус с затемнёнными стёклами. В салоне царила гробовая тишина.

Дорога заняла больше обычного. Водитель делал странные крюки, словно пытаясь запутать нас в направлении. Я пытался запоминать повороты, но вскоре сдался – пустыня была слишком однообразной.

Когда мы наконец прибыли, меня ждал первый сюрприз. Вместо привычного входа в подземный комплекс нас провели через боковую дверь в скале, которую я раньше не замечал. Внутри пахло свежей краской и озоном – явные признаки недавней перестройки.

Меня проводили в кабинет Ван Хорна. Он сидел за массивным дубовым столом, и его внешность меня поразила. Всего за несколько месяцев он постарел лет на десять. Глубокие морщины, седая щетина, трясущиеся руки.

– Ларин, – его голос был хриплым и уставшим. – Спасибо, что приехал. Надеюсь, образцы при себе?

Я молча поставил контейнер с желто-оранжевыми кристаллами на стол. Ван Хорн с жадностью потянулся к нему, но затем остановился, словно вспомнив что-то.

– Что происходит, доктор? – спросил я прямо. – Почему такая спешка?

Ван Хорн тяжело вздохнул и откинулся на спинку кресла:

– У нас... проблемы. Серьёзные, чем ты можешь представить. Твои образцы – последняя надежда.

Он нажал кнопку на пульте, и на стене появилось изображение – знакомый график энергетической активности, но с аномальными выбросами, превосходящими все ранее зафиксированные.

– После вашего эксперимента в Кишинёве, – продолжал Ван Хорн, – произошёл каскадный резонанс по всей сети. Мы пытались стабилизировать систему, но...

Он переключил изображение. На экране возникла схема подземных тоннелей «Чёрной Мезы» с множеством мигающих красных точек.

– Это зоны нестабильности, – прошептал он. – Они расширяются. Через 72 часа весь комплекс может стать эпицентром непредсказуемого катаклизма.

Я сглотнул, понимая всю серьёзность ситуации:

– И вы думаете, мои образцы могут помочь?

– Должны, – твёрдо сказал Ван Хорн. – Согласно расчётам, их свойства... – он запнулся, подбирая слова, – могут создать стабилизирующий барьер. Но для этого нужен доступ к главному реактору.

– К центральному залу? – удивился я. – Но там же...

– Да, – мрачно кивнул он. – Там сейчас находится то, с чем мы не можем справиться. И именно поэтому я вызвал тебя, Ларин. Потому что ты единственный, кто работал с этими кристаллами в полевых условиях.

Ван Хорн провёл меня через серию постов охраны, каждый из которых требовал специального пропуска. Воздух в коридорах был густым от запаха озона и чего-то ещё – сладковатого и тревожного. Стены вибрировали от низкочастотного гула, исходящего из глубины комплекса.

– С момента инцидента прошло 48 часов, – объяснял Ван Хорн, пока мы шли. – Сначала мы думали, это локальная аномалия. Но затем... – он указал на трещину в бетонной стене, из которой сочилось зеленоватое свечение.

Я остановился, чтобы рассмотреть её поближе. Трещина пульсировала в такт гулу, и мне показалось, будто за ней что-то движется.

– Не стоит, – резко сказал Ван Хорн, оттягивая меня назад. – Поля нестабильны. Вчера один из техников... – он не договорил, но по его лицу всё было ясно.

Когда мы подошли к шлюзу центрального зала, меня встретила группа учёных в защитных костюмах. Среди них я узнал доктора Келлера – специалиста по квантовой физике, с которым работал в прошлую командировку.

– Ларин, – он кивнул мне, его голос прозвучал через систему связи костюма. – Рад, что ты здесь. Ситуация ухудшается.

Он показал на монитор, где отображалась схема центрального зала. В центре, где должен был находиться основной реактор, пульсировала ярко-красная зона.

– Температурная аномалия, – пояснил Келлер. – Реактор работает на 240% от номинальной мощности, но мы не можем его отключить. Системы управления не отвечают.

– А экстренное отключение? – спросил я.

– Заблокировано, – мрачно ответил Ван Хорн. – Кто-то изменил протоколы безопасности. Мы подозреваем... – он обменялся взглядом с Келлером, – внутреннее вмешательство.

Меня облачили в защитный костюм и выдали прибор для работы с образцами – нечто среднее между спектрометром и генератором поля.

– Твоя задача, – объяснял Келлер, пока я проверял оборудование, – доставить образцы в эпицентр аномалии и активировать их по протоколу стабилизации. Мы восстановили часть данных из твоих отчётов.

– А как же радиация? – поинтересовался я, глядя на зашкаливающие показания дозиметра.

– Кристаллы должны создать защитное поле, – сказал Ван Хорн. – По крайней мере, так показывают расчёты.

Когда тяжёлые двери шлюза открылись, мне открылось зрелище, которое я не забуду никогда. Центральный зал преобразился до неузнаваемости. Реактор, обычно представлявший собой аккуратный цилиндр из нержавеющей стали, теперь был опутан пульсирующими энергетическими жилами, которые бились, как гигантское сердце. Воздух дрожал от жары, и сквозь него проступали искажённые видения – тени коридоров, которые вели в никуда, силуэты людей, которых не могло там быть.

Я сделал шаг вперёд, и костюм сразу же запищал, предупреждая о перегрузке систем. Контейнер с образцами в моей руке внезапно стал тёплым – кристаллы реагировали на аномалию.

– Как самочувствие? – раздался в наушниках голос Ван Хорна.

– Пока держусь, – сквозь зубы ответил я, пробираясь через хаос из искривлённых металлических конструкций.

С каждым шагом давление нарастало. Мне казалось, будто я иду по дну океана, а над головой бушует шторм. Стены зала то расплывались, то снова обретали форму, и сквозь них проступали очертания каких-то других помещений – словно реальность наслаивалась сама на себя.

На полпути к реактору я увидел нечто, от чего кровь застыла в жилах. Между пульсирующими энергетическими жилами замерцало знакомое изображение – комната в Кишинёве, где мы проводили эксперимент с Петровым. Я видел Сергея, который что-то кричал, но не мог разобрать слов.

– Ван Хорн! – вызвал я. – Здесь... проявления. Пространственные разрывы.

– Игнорируй, – последовал резкий ответ. – Это всего лишь фантомы. Продолжай движение.

Я собрал волю в кулак и двинулся дальше. Образцы в контейнере теперь светились так ярко, что свечение пробивалось даже через защитный материал. Их желто-оранжевый свет странным образом гармонировал с зелёным пульсированием аномалии.

Когда до реактора оставалось метров десять, системы костюма начали отказывать одна за другой. Дозиметр зашкалило, температурные датчики показывали абсурдные значения.

– Не могу продолжать, – передал я. – Костюм не выдержит.

– Сними его, – неожиданно предложил Келлер. – Согласно расчётам, кристаллы должны защитить тебя.

Это было безумием, но выбора не оставалось. Расстегнув защёлки, я сбросил тяжёлый костюм и остался в обычной одежде. К удивлению, дышать стало легче, а давление почти исчезло.

С последними силами я добрался до основания реактора. Энергетические жилы пульсировали так близко, что я чувствовал, как поднимаются волосы на руках. Доставая образцы из контейнера, я заметил, что они изменились – вместо отдельных кристаллов в руках у меня была единая масса, переливающаяся всеми оттенками желтого и оранжевого.

– Активируй! – раздался в наушниках голос Ван Хорна. – Сейчас!

Я нажал кнопку на приборе, и мир взорвался светом.

Когда я нажал кнопку активации, время остановилось.

Звуки замерли в протяжном низкочастотном гуле, словно сама Вселенная затаила дыхание. Пульсирующие энергетические жилы, опутавшие реактор, застыли в причудливых изгибах, напоминая замерзшие молнии в фантастическом калейдоскопе. Воздух превратился в плотную, сияющую субстанцию, переливающуюся всеми цветами радуги и оттенками, которых нет в человеческом спектре.

В моих руках кристаллы ожили. Это было не просто свечение – это была симфония. Многоголосый хор из миллиардов вибрирующих частиц создавал музыку сфер, которая резонировала не в ушах, а в самой душе. Желто-оранжевое свечение превратилось в живой, разумный огонь, который обжигал, но не причинял боли, – он выжигал страх, сомнения, оставляя лишь чистое, кристаллизованное знание.

«Ларин? Держись! Ты стал проводником! Не отпускай кристаллы!» – голос Ван Хорна прорвался сквозь хаос, словно луч света в кромешной тьме, но звучал он откуда-то из очень далекого прошлого.

Центральный зал исчез. Вернее, он растворился в бесконечности. Я оказался в эпицентре космического урагана, где сталкивались и рождались галактики. Вокруг плавали обломки реальностей – фрагменты лабораторного оборудования соседствовали с осколками древних цивилизаций, тени ученых из «Черной Мезы» танцевали в вальсе с призраками далеких созвездий. Я видел, как рождались и умирали звезды, как сворачивались измерения и разворачивались новые. Я был одновременно и точкой наблюдения, и частью этого безумного, величественного процесса.

Мое тело больше не подчинялось законам физики. Я парил в сердцевине реальности, наблюдая, как нити причинно-следственных связей сплетаются в новые, невиданные узоры. Каждый нерв стал антенной, принимающей сигналы из иных измерений. В сознании вспыхивали видения:

Древние города из чистого света, где существа из энергии строили храмы времени.

Бездны, где время текло вспять, и я видел, как «Черная Меза» разбирается по кирпичику назад, к моменту своего основания.

Лицо Гордона Фримена, сосредоточенное и решительное, в тот самый миг, когда он вставлял кристалл в спектрометр. Я почувствовал эхо его воли, его незнания о том, что он запускает.

Сергея и Петрова в кишиневском подполье, с тревогой смотрящих на небо, и я попытался мысленно послать им сигнал: «Я жив».

Кристаллы в моих руках начали трансформироваться. Их физическая форма распалась, превращаясь в вихрь золотой пыли, но я продолжал чувствовать их присутствие – теперь они были частью меня, частью этого безумного танца творения и разрушения. Я был больше, чем человек. Я был процессом. Я был идеей.

– Стабилизация на 40%! – донесся голос Келлера, теперь уже четкий и ясный, как будто из соседней комнаты. – Продолжай, Ларин! Ты делаешь это! Ты... переписываешь уравнения!

Я ощутил невероятную силу, текущую через меня. Это была не просто энергия – это была сама жизнь, первозданная и необузданная. Вспомнились слова Петрова в лесу: «Мы не боимся катастрофы. Мы боимся неверного исхода. Помогите ему завершиться правильно».

Сознание расширилось до невообразимых пределов. Я не просто видел «Черную Мезу» – я чувствовал каждый её уголок, каждого человека. Панику ученых в коридорах. Липкий ужас охранников, отстреливающих от тварей из Зен. Ван Хорна, сцепившего зубы у монитора, в его мозгу проносились расчеты, очень похожие на мои. И я увидел его сомнение, его тайную мысль: «Мы играем с богами, а у нас дрожат руки».

И в этот миг я понял. Понял всё. Каскадный резонанс был не ошибкой. Он был... инициацией. Родовыми схватками новой реальности. А кристаллы... кристаллы были не ключом к двери. Они были катализатором, изменяющим саму природу перехода.

Внезапно всё замерло. Абсолютная тишина. Абсолютный покой. Я оказался в центре сферы из чистого, белого света. Вокруг плавали знакомые желто-оранжевые кристаллы, но теперь они выглядели как живые, дышащие звёзды в миниатюре. В центре сферы висел единственный, идеальный кристалл, излучающий безмолвную, всепонимающую любовь.

Голос, который нельзя было услышать ушами, проник прямо в сознание. Он был тихим, как шелест галактик, и громким, как Большой Взрыв: «Порог пройден. Баланс восстановлен. Ты стал Мостом. Новый цикл начинается. Они придут. Будь готов».

Затем – ослепительная, но не слепящая вспышка. Не больно, не страшно, а как пробуждение ото сна. Я снова стоял в центральном зале, но всё вокруг изменилось. Реактор сиял ровным, успокоенным золотистым светом. Стены, ранее покрытые копотью и трещинами, теперь были гладкими и испещрены красивыми, переливающимися узорами, напоминавшими те самые фрактальные уравнения, что я видел в хаосе. Воздух был кристально чистым и пах озоном после грозы – грозы, очистившей мир.

– Ларин? – раздался осторожный, почти благоговейный голос Ван Хорна из наушника.
– Ты... в порядке? Что... что это было?

Я посмотрел на свои руки. Кристаллов не было, но я чувствовал их присутствие – тёплый, пульсирующий поток энергии в такт моему сердцебиению. Я был тем же человеком, но в меня было встроено нечто большее.

– Это было... исправление, – сказал я, и мой голос звучал по-новому – более глубоко, уверенно и немного печально. – Мы не остановили процесс. Мы помогли ему завершиться. Не как взрыв, а как... трансформация.

Ван Хорн молчал. Потом тихо: «Показатели стабилизировались. Но... всё изменилось. Датчики показывают, что локальное пространство-время... оно теперь другое. Более гибкое. И стабильное».

Я вышел из центрального зала через открывшийся шлюз. Ученые и солдаты смотрели на меня не со страхом, а с благоговейным ужасом. Келлер молча указал на стену, где часы показывали, что с момента моего входа в зал прошло всего десять минут.

– Мы наблюдали через камеры, – тихо сказал Ван Хорн, подходя ко мне. – Ты... светился. И вокруг тебя... рождались и умирали галактики. Мы видели это на экранах.

Подойдя к зеркалу на стене, я увидел, что мои глаза приобрели легкий золотистый оттенок, а вокруг головы – едва заметный, но читаемый ореол из сияния.

– Кристаллы... – начал я. – Они стали частью тебя, – закончил Ван Хорн. – И, кажется, частью локальной реальности вокруг комплекса.

Он показал на датчики. Уровень энергетической активности был не просто стабильным – он был идеальным, калиброванным с точностью, которая ранее считалась теоретически невозможной.

В этот момент на пульт пришло зашифрованное сообщение. Всего две строчки от Петрова: «Они проснулись. Щель в Кишинёве пульсирует. Жду».

Я посмотрел на свои руки, где ещё чувствовалось эхо космического огня, и понял – эксперимент только начался. Я больше не был просто ученым с образцами в контейнере. Я сам стал ключом, Мостом, как называл меня тот Голос. И щель в Кишинёве, та самая, с которой всё началось, звала меня домой. Чтобы встретить «их». Тех, кто должен был прийти.

Тишину в центральном зале нарушил резкий сигнал тревоги. На главном экране замигал красный значок, и через секунду голос Ван Хорна прозвучал с новой, незнакомой ноткой паники:

– Ларин, срочно в командный центр! Произошло... нечто невозможное.

Когда я вбежал в зал управления, все экраны показывали хаос. На центральном мониторе демонстрировалась запись экспериментальной камеры – Гордон Фримен в защитном костюме аккуратно помещал огромный желто-оранжевый кристалл в приемное устройство антимасс-спектрометра.

– Но это же... – начал я, но меня прервал Ван Хорн.

– Да, запланированный эксперимент. Но никто не ожидал такого!

На записи луч спектрометра встретился с кристаллом, и пространство в камере исказилось. Внезапно я почувствовал странную пустоту внутри, будто что-то важное безвозвратно ушло.

В тот же момент на всех экранах появилось лицо Уоллеса Брина.

«Внимание! Каскадный резонанс в секторе С-33/b! Эксперимент вызвал пространственный разлом! Все учёные – немедленно к эвакуационным выходам!»

По громкой связи зазвучали автоматические предупреждения о биологическом заражении.

Ван Хорн схватил меня за рукав:

– Бежим к восточному выходу!

Мы выскочили в коридор, где уже царил хаос. Учёные бежали к выходам, а отряды охранников пытались сдерживать натиск существ из мира Зен. Где-то в глубине слышались выстрелы и странные щелкающие звуки.

– Держись рядом! – крикнул Келлер.

Из энергетического разлома выпрыгнул хедкраб. Я инстинктивно отпрянул, сердце бешено заколотилось. Охранник дал очередь из автомата, и тварь отпрыгнула назад.

Стена в конце коридора обрушилась, и мы увидели Гордона Фримена в оранжевом защитном костюме. Он отбивался от группы вортигонтов, используя монтировку.

– Бежим! – скомандовал Келлер.

Мы пробились к аварийному лифту. Когда двери закрылись, я в последний раз увидел, как отряды охранников сдерживают натиск существ, а Фримен пробивается вглубь комплекса.

Лифт рванул вверх, унося нас от кошмара. Я прижался к стенке, стараясь совладать с охватившим меня страхом. Что-то безвозвратно изменилось, но сейчас было не до размышлений – нужно было просто выжить.

Достигнув поверхности, мы оказались в эпицентре не меньшего хаоса. Вертолёты с ревущими винтами пытались эвакуировать людей, а по территории комплекса бежали десятки перепуганных учёных и сотрудников. Воздух был наполнен криками, рёвом сирен и далёкими взрывами, доносящимися из-под земли.

– К автобусам! – указал Ван Хорн на транспорт, который спешно собирал людей у главных ворот.

Пробегая мимо одного из служебных зданий, я заметил, как из вентиляционной шахты выполз изуродованный хедкрабом охранник. Его лицо было обезображено, движения – резкими и нескоординированными. Он бессмысленно брёл по территории, пугая и без того напуганных людей.

– Не смотри! – одёрнул меня Келлер. – Беги!

Мы втиснулись в один из последних автобусов. Салон был переполнен, люди сидели в проходах, некоторые плакали, другие смотрели в пустоту. Когда автобус тронулся, я увидел в окно, как к главному входу подъезжают армейские грузовики. Солдаты в чёрной форме быстро занимали позиции вокруг комплекса.

– Кажется, военные берут всё под контроль, – пробормотал кто-то сзади.

Но я видел другое – как из вентиляционных шахт и служебных выходов продолжали появляться странные существа. Солдаты открывали по ним огонь, но твари были проворны и опасны.

Автобус набрал скорость, увозя нас от «Чёрной Мезы». Я смотрел в окно на удаляющийся комплекс, понимая, что стал свидетелем начала чего-то ужасного. А та пустота внутри, оставшаяся после каскадного резонанса, напоминала, что ничего уже не будет прежним – ни в мире, ни во мне самом.

Автобус мчался по пустынной дороге, увозя нас всё дальше от кошмара «Чёрной Мезы». В салоне стояла гробовая тишина, нарушаемая лишь рёвом двигателя и приглушёнными всхлипываниями некоторых пассажиров. Я сидел у окна, смотря на проплывающие мимо кактусы и скалистые холмы Нового Мексико, пытаюсь осознать произошедшее. В голове проносились обрывочные воспоминания: зелёные вспышки, крики учёных, те самые существа...

Внезапно сзади послышался нарастающий рёв мотора. Я обернулся и увидел чёрный броневик с затемнёнными стёклами, стремительно приближающийся к нам. Машина выглядела невоенным транспортным средством – скорее, продуктом какой-то частной охранной корпорации.

– Что это? – проговорил кто-то тревожно.

Едва эти слова прозвучали, как из башни броневика брызнули огненные вспышки. Пулёмётные очереди прошли боковину автобуса, звон разбитых стёкол смешался с криками ужаса. Пули свистели над головами, впиваясь в сиденья.

– Пригнитесь! – закричал водитель, резко выкручивая руль.

Автобус вильнул, и меня с силой бросило на соседа – пожилого учёного с седыми висками. Его глаза были широко раскрыты от ужаса. Снова очередь – на этот раз пули прошли над головами, оставив аккуратные дыры в потолке.

– Держитесь крепче! – крикнул водитель, пытаясь увести автобус в сторону от обстрела.

Но броневик не отставал, продолжая вести огонь. Очередная очередь попала в колёса. Раздался оглушительный хлопок, и автобус резко клюнул вперёд. Рулевое управление отказало.

– Не могу удержать! – закричал водитель.

Мир перевернулся. Сначала был страшный удар, затем автобус кувыркнулся через крышу. Я ощутил невесомость, прежде чем меня швырнуло в сторону. Стекло окон разбилось, и несколько людей вылетели наружу, их крики оборвались ударами о землю.

Второй переворот – удар был ещё сильнее. Крыша смялась с ужасным скрежетом, опускаясь всё ниже. Третий удар – и пространство салона стало катастрофически уменьшаться. Слышались хруст костей, крики, стоны.

Наконец автобус остановился, лёжа на боку. В салоне воцарилась тишина, нарушаемая лишь треском горячей проводки и тихими стонами раненых. Я попытался пошевелиться – всё тело болело, но, кажется, ничего не было сломано. С правой стороны лица текла кровь из пореза о стекло.

– Кто-нибудь... – тихо прошептал кто-то позади меня.

Я огляделся. Салон был разрушен до неузнаваемости. Смятая крыша почти касалась сидений, оставляя лишь узкое пространство для выживших. Некоторые люди были зажаты обломками, другие не двигались вовсе. Воздух был густым от запаха бензина, крови и пыли.

Внезапно снаружи послышался звук подъезжающей машины. Двери броневика открылись.

– Проверьте выживших, – раздался чей-то безразличный голос. – Приказ – ликвидировать всех свидетелей.

Лёд пробежал по спине. Они прикончили тех, кто выжил в аварии.

Двигаться было больно, но страх придал сил. Я начал осторожно пробираться к разбитому заднему окну, стараясь не производить шума. Один из раненых ухватился за мою ногу.

– Помоги... – прошептал он.

Я с болью в сердце освободил свою ногу – помочь ему означало погубить себя. Через разбитое окно мне удалось выбраться наружу. Автобус лежал в глубоком кювете, скрытый от дороги. Сверху доносились голоса и шаги.

– Здесь ещё один! – крикнул кто-то у передней части автобуса, и раздался выстрел.

Пригнувшись, я пополз в противоположную сторону, вглубь пустыни. Кактусы и камни скрывали меня от глаз. С каждым метром боль в теле нарастала, но мысль о том, что меня могут обнаружить, заставляла двигаться вперёд.

Добравшись до небольшого скалистого выступа, я оглянулся. Возле разбитого автобуса стояли трое вооружённых людей в чёрной форме без опознавательных знаков. Они методично проверяли тела, иногда раздавались выстрелы – добивали раненых.

Я прижался к камням, стараясь не дышать. Солнце начинало клониться к горизонту, окрашивая пустыню в багровые тона. До ближайшего города было несколько десятков километров, воды не было, а за мной охотились профессиональные убийцы.

Но самое страшное ждало впереди – когда один из людей у автобуса поднял голову и посмотрел прямо в мою сторону. На мгновение наши взгляды встретились, и я понял – погоня начинается.

– Там кто-то есть! – крикнул он, и все трое повернулись в мою сторону.

Я рванул прочь, не разбирая дороги. Пули засвистели вокруг, ударяясь о скалы. Бежать было мучительно больно – каждое движение отзывалось свежей волной боли во всём теле. Но страх был сильнее.

Спускаясь по каменистому склону, я оступися и покатился вниз, получая новые ссадины и ушибы. Внизу оказалось сухое русло реки – хоть какое-то укрытие. Слышалось, как преследователи спускаются за мной, их тяжёлое дыхание и отрывистые команды.

Передо мной открылась пещера в скале – маленькая, почти незаметная. Не раздумывая, я нырнул внутрь, прижавшись к холодным камням. Шаги приблизились, замерли у входа.

– Куда он мог деться? – раздался голос прямо у пещеры.

Я затаил дыхание, чувствуя, как сердце готово выпрыгнуть из груди. В полумраке пещеры я разглядел узкую расщелину в глубине. Пришлось снять куртку, чтобы протиснуться в неё. Камни царапали кожу, но я молча терпел боль.

– Возможно, ушёл дальше по руслу, – сказал другой голос. – Оставьте одного человека здесь на всякий случай, остальные – со мной.

Один из преследователей остался у входа в пещеру. Я слышал, как он закурил, его тяжёлое дыхание доносилось до меня сквозь камни. Время тянулось мучительно медленно. Солнце село, в пустыне быстро стало холодно. Я дрожал от холода и страха, но не смел пошевелиться.

Через несколько часов слышались шаги второго преследователя.

– Ничего не нашёл, – доложил он. – Может, его и не было?

– Я точно видел, – упрямо сказал тот, что оставался на посту. – Но сейчас уже слишком темно для поисков. Вернёмся утром с собаками.

Когда их шаги затихли, я выбрался из своего укрытия. Ночь в пустыне была ледяной. Без куртки я быстро начал замерзать. Нужно было найти укрытие и хотя бы немного согреться.

Пещера оказалась глубже, чем я предполагал. Пробираясь вглубь, я наткнулся на небольшое ответвление, где было немного теплее. В карманах нашлась коробка спичек – старый привычный талисман, который я всегда носил с собой. Собрав немного сухого мха и веток, я развёл крошечный костёр. Пламя давало не только тепло, но и надежду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.